

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА О МЕДЕЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 411 группы
направления 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

ЩУКИНОЙ СВЕТЛАНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ

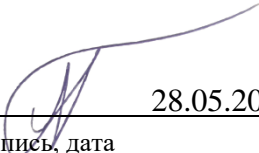
Научный руководитель
доцент, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

Зав. кафедрой

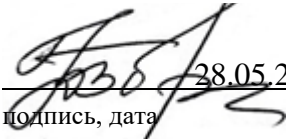
зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

_____ 28.05.2020
подпись, дата

Г. М. Алтынбаева

инициалы, фамилия

_____ 28.05.2020
подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2020 год

Объект исследования – отражение образа Медеи в современной русской литературе на материале нескольких текстов.

Предмет исследования – тексты «Медея и ее дети» Л. Улицкой, «Медея», «Маленькая Грозная» Л. Петрушевской, «Репетиция» М. Хлебниковой, «Медея. Офелия. Средняя полоса» Ю. Большаковой. Интерес к рассматриваемым в рамках данной работы произведениям обусловлен тем, что они направлены на переосмысление современной женщиной-художником основных культурных символов, в первую очередь, связанных с женщиной и феминностью, непосредственно в образной системе и структуре мифа. Обращение женщины к мифологической традиции не с привычной целью ее сохранения, но с целью пересмотра и переосмысления является важным, возможно даже этапным моментом в жизни любого общества.

В нашей работе анализ пяти русских Медей был проведен на основе интертекстуального метода.

Теоретической и методологической базой исследования стали работы, посвященные теории мифа, интертекста, а также современные исследования образа Медеи в литературе: работы Мелетинского, Лосева, Пьеге-Гро, других ученых.

Материал исследования – тексты современных авторов Л. Петрушевской «Медея», «Маленькая Грозная», Л. Улицкой «Медея и ее дети», М. Хлебниковой «Репетиция», Ю. Большаковой «Медея. Офелия. Средняя полоса».

Миф – одна из древнейших форм повествования, передающая первичные представления людей о мире и его устройстве; с течением времени представления людей меняются, как меняется и востребованность мифов, мифологии и мифопоэтики, но одно можно сказать точно: миф как явление не исчезнет никогда, как и потребность в нем. В этом заключается **актуальность** выбранной темы.

В ходе исследования были изучены критические статьи С.И. Тиминой, Л. Куклина, Е. Щегловой, О. И. Савиных, они посвящены произведению Л. Улицкой и Л. Петрушевской. Произведения М. Хлебниковой и Ю. Большаковой в критике не представлены. Этим также определяется **актуальность** предложенного в работе исследования.

Цель исследования – проанализировать изменения сюжета о Медее в контексте современной культуры.

Гипотеза: интерес русской литературы XX века к образу Медеи обусловлен общим духом эпохи постмодернизма – умышленная эклектика стилей, обращения к предшествующим традициям с целью их переосмысления, повышенный интерес к тому, что было «до». Современные авторы умышленно обращаются к коннотативным образам, которые способны меняться по авторскому замыслу, чтобы отразить именно ту часть реальности, которую хочет отразить автор. Медея в современных реалиях – способ показать то, насколько меняется образ женщины и связанные с ним ассоциации, как меняется восприятие и масштаб современной трагедии.

Для достижения цели требовалось выполнить следующие **задачи**:

1. Определить понятие мифа, установить его место в современном творчестве;
2. Определить понятие интертекстуальности и степени ее проявления в выбранных для анализа произведениях;
3. Проанализировать тексты Л. Петрушевской «Медея» и «Маленькая Грозная», Л. Улицкой «Медея и ее дети», М. Хлебниковой «Репетиция», Ю. Большаковой «Медея. Офелия. Средняя полоса»;
4. Провести сопоставительный анализ современных русских Медей, соотнести результаты полученного анализа с сюжетом-источником.

Цель и задачи исследования определили выбор комплексной методики, включающей аналитический, сравнительно-сопоставительный и интертекстуальный методы.

В структурном отношении работа состоит из Введения, одной главы, Заключения и Списка использованных источников.

Во **введении** были проанализированы работы русских и зарубежных ученых по теме. Вот основные выводы, которые оказались ценными и в ходе нашего исследования.

Исследователь М. Маркс разбирает механизмы адаптации мифологического сюжета под современные реалии. Она говорила про роль второстепенных героев (небольшая), роль хронологии повествования (авторы включают в свои произведения предысторию, которая отходит от сюжета оригинала) и роль внутреннего наполнения каждой из пьес (географическое положение, временной период, иные контекстуальные детали формируют образ Медеи).

В 2017 году Медея стала предметом обширной дискуссии, которую организовал Тбилисский государственный университет в рамках регулярных научных штудий. В результате вышел сборник, собравший участников этой международной конференции «Медея в мировой художественной культуре». Одна из работ в этом сборнике (авторства А. Чиковани) дает несколько полезных выводов о символике образа Медеи: «В основном образ Медеи был использован поэтами в качестве символа ужасающего детоубийства, но помимо этого авторы интересовались Медеей как дочерью-предательницей; как любящей женой; как женщиной, которая была брошена в чужой для нее стране; как персонажем из варварского мира. Современные греческие поэты всерьез заинтересовались Медеей к концу 1990-х. Этому есть несколько причин: некоторые авторы оправдывают ее и сбрасывают груз моральной ответственности с ее плеч; другие представляют ее как воплощение так называемых феминистических идей».

Как показало проведенное нами исследование, в российской прозе все происходит похожим образом: Медея и ее новые интерпретации используются для разрушения идей феминности. Это нельзя назвать развитием

феминистических идей, так как феминизм борется за равенство, но можно назвать борьбой за разрушение образа женщины, главная цель которой – материнство.

Также ценной и созвучной нашему исследованию стала работа П.Д. Ивлиевой. Она говорит, что Медея Л. Улицкой – антипод своей прародительницы, она вбирает в себя главные черты христианина; Медея Синопли наделяется чертами не только античной Медеи, но и богини Афины, сама же Улицкая из античности берет скорее подоплеку для своего повествования. Помимо этого, обе Медеи анализируются в контексте гиноцентрической (принцип художественного воссоздания истории через образ женщины, ее мироощущение и мировидение) литературы 20 века.

Что касается Петрушевской, то полезной оказалась работа Н.Г. Медведевой. Она, анализируя «статус персонажей у Петрушевской», подчеркивает жизненный хаос, в который брошены персонажи, нередко структурируется на уровне архетипов. Жизнь многих героинь – бессознательное проигрывание мифологических схем, детерминирующих события и поступки, и становящихся судьбой.

В рамках нашего исследования продуктивным было знакомство с работой О. И. Савиных «Русская Медея 80-90-х годов XX века (Л. Улицкая, Л. Петрушевская, Л. Разумовская, М. Хлебникова)», которая обращается к тем же авторам, которых берем и мы. Автор приходит к ценным для нас выводам: «Медея Синопли не является носителем традиционного мотива мести, факт измены мужа переживается ей глубоко внутри, не неся последствий для окружающих. Напротив, она окружает заботой умирающего мужа и становится его моральной опорой. <...> [о Петрушевской, анализируется текст «Маленькая Грозная»] Для центрального образа повести не характерно проявление черт, присущих матери или жене. Напротив, образ наделен скорее мужскими качествами, что подчеркнуто женским вариантом использования мужского прозвища Грозный». О пьесах М. Хлебниковой и Л. Разумовской автор статьи

пишет, что они «в отличие от романа Л. Улицкой и повести Л. Петрушевской не являются преодолением патриархального дискурса, моделями мира женщин, но находятся также в русле проблемы взаимоотношений в семье, затрагивают вопрос об отношениях детей и родителей, мужчины и женщины. <...> Для героев М. Хлебниковой характерна социальная и моральная банализация. Ироничный разговорный стиль, включающий просторечные и грубые выражения характерен для речи всех персонажей пьесы». Автор делает вывод: «Заключая в себе огромный потенциал и возможности для различных интерпретаций, миф находит отклик у авторов, чей круг интересов связан с проблемами взаимоотношений в семье, гендерной идентичности и многими другими. Сюжет, претерпевая влияние таких тенденций, как гиноцентризм, тенденцию к банализации, обогащается авторами 80–90-х гг. новым прочтением античного мифа».

Глава 1 состоит из параграфов, каждый из которых посвящен разным произведениям. Каждый из них начинается с анализа современного произведения и завершается сопоставительным анализом современного и античного сюжетов.

Трансформация образа Медеи была показана в работе на материале отечественных текстов, написанных в переломные этапы российского общества – конец 1990-х и конец 2000-х. Изменения и переосмысления основных культурных символов, которые совершаются современными писателями, проявляются на уровне повествования: авторы берут атрибуты, связанные с типичными понятиями о женщине, женском начале и феминности, и сквозь призму образного мифологического восприятия показывают, как они изменились в нашу эпоху. Обращение к мифу происходит именно с целью пересмотра устоявшихся традиций, авторы показывают, что конфликты не то чтобы мельчают, они растворяются на фоне совершенно сумасшедшей действительности.

Мы пришли к выводу, что героиня Л. Улицкой – это образец АнтиМедей, полнейшего антипода Медей из оригинального сюжета. основополагающая черта поэтики произведения – это ориентация на миф. Образ главной героини насквозь пропитан мифологизацией, и это лежит на самой поверхности, Медя Синопли будто бы вечна, для местных жителей она стала уже будто бы частью пейзажа; также она отлично видит в темноте и часто находит давно потерянные вещи; живет в полной гармонии с природой. Улицкая сакрализирует образ своей Медей, к тому же она – носитель того самого мифологического сознания. В такой мифологизации мы отмечаем сходство с античной Медеей, но дальше нами были выделены только отличия: Медя Синопли помогает рождению детей в больнице (она акушерка), а не убивает их, а своих детей у нее и вовсе нет; измену мужа она смиренно простила и даже стала в дальнейшем опорой и моральной поддержкой для своего мужа. Два образа построены на одной основе – любовь, и, говоря о произведении Улицкой, можно сказать, что именно любовь – превалирующая черта характера главного героя, однако речь о разной любви: созидательной и разрушительной. Все это говорит о большой мере полисемантической рассматриваемого образа, которая позволяет видеть персонажа как бы с разных сторон, трансформировать, и главное – переосмыслять образ. Появление имени Медя в названии романа может расцениваться читателем как предпосылка, однако, думается, автор намеренно использовала прием обманутого ожидания. Это постмодернистская игра с читателем, которая строится на контрасте – ярком противопоставлении античного образа Медей и Медей Улицкой.

У Л. Петрушевской основным лейтмотивом нам представляется демифологизация. Мы взяли два произведения автора: одно так и называется, «Медя». И этот текст – сплошная демифологизация, ведь это диалог в такси. Кровожадное убийство, совершенное древней Медеей, здесь становится помешательством, сумасшествием. Мать, убившую своих детей, отправляют в Бутырки, в отделение для душевнобольных, и вдобавок «вешают» на нее еще

одно убийство, так как орудие преступления (топор) оказалось схожим. Такое бытовое описание нельзя сопоставить с мифом-источником. Убить собственного ребенка – это невероятная, бесчеловечная жестокость, на которую пошла Медея из мифа, но Медея у Петрушевской падает еще ниже, ведь она зверски зарубила свою дочь топором.

Петрушевская активно разрушает привычную нам феминность женщины. Героини обоих текстов Петрушевской, взятых нами для исследования, противопоставляются мужским образам (в «Медее» это женщина, зверски убившая своих детей топором и ее муж «слабого типа», в «Маленькой Грозной» это суровая женщина, которая, например, узнав об измене мужа, сурово выгнала его любовницу и дома, в то время как «горе-любовник» за этой сценой только наблюдал).

По сюжету маленькая Грозная больше соответствует той исконной Медее, когда основной ее характеристикой считался демонизм. Грозная не убивает, но изгоняет своих детей, по масштабу зла не уступая ни образу женщины из повести «Медея», ни своему античному прототипу. Своего сына и его беременную, вот-вот собирающуюся родить жену она выгоняет; не позволяет остаться своему второму, парализованному сыну; зимой 1944-го года Грозная не пускает в квартиру сирот, ограничившись двумя кусками хлеба. Список ее злодеяний можно продолжать, но вывод ясен: по злобе, ярости и жестокости Грозная не уступает античной Медее. Общей чертой становится и ненависть к мужу. Различием становится полное равнодушие к своей семье у Грозной.

М. Хлебникова в Медею только играет. Ее пьеса называется «Репетиция», что полностью отражает ее содержание: мы действительно видим начало пьесы, в конце приходит режиссер и импровизацию своих актеров заканчивает. Однако в процессе репетиции образ Медеи раскрывается в соответствии с современными реалиями: муж Медеи уходит к женщине побогаче, семья увязла в кредитах и долгах, и именно из-за материального положения рушится их

брак. Сходством «Репетиции» с другими произведениями остается, в первую очередь, анализ бытовых реалий через мифопоэтику и ориентация на вечность: миф становится инструментом, который вписывает проблемы прошлого, настоящего и, вероятно, будущего в единую экзистенциальную ткань. Действующие лица, предпосылки – все это у Хлебниковой то же самое, что и в древнегреческом тексте, но поступки и слова другие. Они отличаются разительным образом, и это автором сделано для того, чтобы акцентировать внимание читателя на том, как глубоко запущено современное российское общество, это пошлые поступки.

Ю. Большакова представляет нам банализацию сюжета о Медее. Ее героиня – это Наташка, которая случайно забеременела. Текст Ю. Большаковой, как и тексты Л. Петрушевской, отличается детализированностью, гипернатурализмом, писатель не жалеет читателя и описывает все как есть. Тексты этих авторов могут стоять в одном ряду: мы видим такое же упрощение трагедии мифологической Медеи на фоне того, что происходит на самом деле в российской действительности. Остается только внешний банальный бытовой сюжет, потому что внутри пустота. Также автор включает в сюжет мотив разрушения женственности и ее атрибутов, материнство – это уже не главная цель жизни женщины, она либо незапланированная, либо нежелательная.

Что касается сходства с античным сюжетом, то можно утверждать, что Медея-Наташка – такая же жестокая по отношению к своему ребенку, нежеланному, как и Медея к двум своим детям. Тем не менее, они отличаются, ведь Медея убила сознательно из страсти и ревности, а Наташка – по дурости, глупости, от страха в безвыходной ситуации.

Каждый из авторов, взяв за основу древний миф, оставил сюжет и мотивы первоисточника в разной мере: больше всего это видно у М. Хлебниковой, у Л. Петрушевской же персонаж Медеи и Грозной сильнее всего схож с первоисточником (по ярости и безжалостности), у Ю. Большаковой чуть

меньше проявляется образ Медеи. А отличается миф сильнее всего у Л. Улицкой.

Все Медеи схожи в одном: они так или иначе остались в одиночестве, пусть и по разным причинам. Мы видим одни и те же мотивы: злодеяния по отношению к своей семье (выкуривание детей из квартиры, убийство детей, убийство брата), у Л. Петрушевской героини оказываются сумасшедшими, Наташка-Медея тоже сходит с ума и в конце умирает, и Медея М. Хлебниковой не остается в полном здравии из-за навалившихся до и после измены Ясона проблем. Общим у всех авторов является и использование мифа в качестве инструмента актуализации злободневных проблем.

Миф трансформируется именно под влиянием времени, в котором живут писатели и их читатели. Действительность такова, что трагедийный пафос древней Греции или древнего Рима уже не актуален сам по себе, наша сумасшедшая действительность поглощает его целиком и переиначивает именно таким образом, чтобы он вписался в современный контекст: именно поэтому мы видим убитую девятиклассницу Наташку, жену таксиста в Бутырках в отделении для душевнобольных или женщину, которая со своим мужем хладнокровно выгоняет парализованного сына из квартиры. Читателю современной ориентированной на миф литературы остается самая важная задача – задуматься над тем, в какое время мы живем, подумать об истинных, вечных ценностях, о духовной составляющей совершаемых поступков. А образы героев античных мифов останутся для нас ориентиром истинной или ложной человеческой природы.

